

КАЗАНСКИЙ СОБОР ГОРОДА ДАНИЛОВА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ¹

*22 июля 2004 года исполняется 110 лет со дня основания
Казанского женского монастыря на Горушке
в городе Данилове Ярославской области*

Город Данилов, находящийся в заволжских лесах Ярославской области, издревле стоял в стороне от громких политических и общественных событий – несмотря на древность происхождения, он совершенно теряется в блеске своих “исторически значимых” соседей, таких, как Углич, Переяславль, Ростов-Ярославский. Акцент значимости в жизни даниловцев был перенесен по большей мере в сферу духовного. Так, например, 6 августа (19 августа по новому стилю) неизменно отмечался день города, основанного еще святым благоверным князем Даниилом Московским, живым свидетельством чему служил сначала деревянный, а затем и белокаменный собор, воздвигнутый во имя Преображения Господа нашего Иисуса Христа.

С 1894 года к числу церковных дат, истово хранимых памятью жителей города и отмечаемых ежегодно, прибавились еще две: 8 июля (21 июля по новому стилю) и 22 октября (4 ноября по новому стилю) – Явление иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани и Празднование в честь Казанской иконы Божией Матери. Связано это было с фактом основания в черте Данилова Казанского женского монастыря на Горушке (первоначально – Казанской женской Богородичной общины), средоточием духовной жизни и жемчужиной архитектурного комплекса которого стал величественный, возносящийся ввысь Казанский собор.

Строительство этого монументального, не имеющего аналогов ни в городе, ни в его окрестностях памятника церковного зодчества было начато при первой игумении Казанского монастыря Михаиле (Параскева Козлова, 1842–1909). Именно ее стараниями в 1897 году в ныне уже не существующей деревне Нохрино открылся кирпичный завод, принадлежавший обители, что, по видимому, и создало начальную материальную базу для возведения собора на вершине горушенского холма в окружении высоких стройных сосен.

Известно, что в августе того же 1897 года, совершая поездку из Петербурга на север России, в Данилове остановился святой праведный Иоанн Кронштадтский. Он отслужил всенощное бдение в деревянном домовом храме монастыря на Горушке и после разговора с игуменией благословил молодую общину на строительство большого трехпрядельного каменного собора во имя Казанской иконы Божией Матери. Более того,

отец Иоанн пообещал найти хорошего архитектора, а несколько позже участвовал в освящении закладки будущего храма.

Проект постройки Казанского собора, рассмотренный Священным Синодом летом 1900 года и одобренный к исполнению, был выполнен по просьбе святого праведного Иоанна гражданским инженером В.А. Косяковым (1868–1921). Этот петербургский архитектор снискал в первую очередь известность как автор знаменитого Морского собора в Кронштадте, подворья Киево-Печерской лавры в Санкт-Петербурге и православного храма в южнокорейском Сеуле. Не случайно специалисты, прежде всего удивляясь наличию такого величественного и грандиозного сооружения в Ярославской глубинке, замечают сходство между даниловским краснокирпичным собором и Андреевским собором в Кронштадте, также возведенного, как мы уже упоминали, по замыслу В.А. Косякова.

Благодаря молитвенному участию отца Иоанна, энергии, силе и целеустремленности игумении Михаилы и тому факту, что некоторое количество материалов и денежных средств было заготовлено заранее, поначалу стройка развивалась довольно высокими темпами: в 1901 году был завершен добротный фундамент из бутового камня и каменщики приступили к укладке стен. Однако динамика процесса создания храма постепенно, но неуклонно снижалась по причине недостаточности финансирования и крайней степени утомленности немногочисленной группы людей, задействованных в возведении собора, пока со смертью первой игумении монастыря в 1909 году работы не были окончательно остановлены.

Монахиня Иоанна (1864–1912), принявшая из рук матушки Михаилы игуменский посох, вынуждена была признать строительство Казанского собора на тот момент нецелесообразным и невозможным ввиду значительного расстройств финансов дел обители и вплотную занялась повышением благосостояния Даниловского монастыря. Между тем, доведенный лишь до главного карниза, непокрытый и незаконченный храм находился в самом плачевном состоянии: стены замшели, местами покрывались плесенью и трещинами, штукатурка отсыревала, леса гнили и рассыпались... Но и в этой, казалось бы, безвыходной ситуации все еще мелькал лучик надежды.

Дело в том, что в 1907 году, после своего назначения Архиепископом Ярославским и Ростовским, Владыка Тихон (Белавин), будущий Патриарх Московский и Всея Руси, ныне прославленный Русской православной Церковью, объезжал вверенную ему епархию и, побывав в Данилове, дал обещание освятить Казанский собор на Горушке. Думается, что все это время в душах сестер обители жило убеждение: Владыка обязательно должен сдержать свое слово, а значит, строительство будет, наконец, закончено. Так, по промыслу Божию, и произошло. На третий год после смерти матушки Иоанны и назначения игуменией монахини Марии (? – 30-е годы XX века), в 1915 году, после почти семи лет простоя, было возобновлено возведение Даниловского собора, по случаю чего 21 июня (4 июля по новому стилю) отслужили торжественный молебен в домовый церкви монастыря.

В 1918 году, в день Успения Богородицы, 15 августа (28 августа – по новому стилю) при многочисленном стечении народа состоялось открытие Казанского собора с престолом в честь Казанской иконы Божией Матери, святителя Николая, Архиепископа Мирликийского, и святителя Алексия, Митрополита Московского. Чин освящения совершил Патриарх Московский и Всея Руси Тихон в сослужении Архиепископа Ярославского и Ростовского Агафангела. И хотя храм так и остался недостроенным, – к его открытию с большим трудом удалось покрыть купола и водрузить на них медные кресты, – он и по сей день являет собой уникальный для Ярославского края памятник церковного зодчества.

Внешнее убранство Казанского собора, выполненного в неорусском (или псевдорусском) стиле, поражает симметрией, пропорциональностью и многоплановостью – ажурность кирпичной кладки просто удивительна. Храм имеет три входа (главный западный и два боковых), обозначенных арочными крыльцами с резными фронтонами. Высокие щелевидные окна, расположенные по воле архитектора в несколько ярусов, украшены нарядными наличниками. Массив здания увенчивается мощной главой, шея которой также состоит из узких оконных проемов; основания четырех меньших глав украшены кокошниками.

Не менее величественно и внутреннее убранство здания: изнутри огромный купол поддерживается четырьмя перекрещивающимися мощными арками; из массивного барабана мягко падает свет. В месте пересечения арок, в парусах, были помещены лепные украшения, ныне безвозвратно утерянные; к ним подходили цепи, на которых держалось, пожалуй, единственное украшение интерьера собора – огромное медное паникадило, также утерянное для нас. Известно, что, по проекту храм замышлялся как зимний, с целью чего в его подвалах были

размещены огромные печи, а в стенах – дымоходы; однако со времени открытия собор действовал лишь как летняя церковь, поскольку для того, чтобы протопить его гигантский внутренний объем требовалось огромное количество дров, что маленькая женская община в годы становления большевизма позволить себе не могла.

Осматривая здание изнутри, нельзя не почувствовать горечь, ведь утраты еще более заметны в аскетичном, суровом убранстве собора: исчез небольшой иконостас; совершенно повреждена живопись алтарной части; некогда белоснежно белые стены теперь покрыты фамилиями людей, разорвавших храм; местами отошла штукатурка, обнажив замшелые кирпичи; с поднятого на шесть ступеней амвона и солеи отбиты изразцы; на полу в сколах роскошной цветной узорчатой плитки собирается вода; затоплены подвалы. Часть повреждений связана с периодом времени сразу после закрытия Казанского монастыря в 30-х годах XX века, когда в соборе размещались склады, водонапорная башня, электростанция и зернохранилище, а в алтарной части действовал магазин-сельпо. Варварское же разорение храма началось с передачей его в 60-е годы XX века в собственность государству: с крыши сняли кровельное железо, из окон – цветное стекло, а в августе 1980 года были намеренно сожжены могучие купола.

Лишь в самом конце прошлого века, в 1995 году, уникальность и необычайная ценность этого многострадального образца архитектуры неорусского стиля были осознаны, причем на очень высоком уровне: Указом президента Российской Федерации Бориса Ельцина Казанский собор на Горушке включили в Список памятников культуры и духовности федерального значения. Во многом это произошло трудами и стараниями иерея Георгия (Ускова), который в течение почти десяти лет – с 1992 года – являлся по назначению Высокопреосвященнейшего Платона, Архиепископа Ярославского и Ростовского, настоятелем собора, тогда действовавшего как приходской храм. Именно при отце Георгии началось медленное, почти буквально из руин, возрождение святыни: шаг за шагом, с огромными сложностями восстанавливались купола, белились и штукатурились стены, застеклялись окна, разбирались мусорные завалы в подвалах. В то время, по понятным читателю причинам, богослужения совершались в отапливаемой привратной комнате.

21 июля 2003 года по благословению Правящего Архиерея Кирилла на Горушке состоялось открытие подворья Ярославского женского Казанского монастыря, и собор был передан в руки четвертой по счету игумении – инокини Агафангелы, которая на данный момент является пока единственной насельницей Даниловской обители.

Рассказывая о, во многом трагической, судьбе Казанского собора в Данилове, нельзя не упомянуть и Владыку Софрония, Епископа Селенгинского, Викария Забайкальской епархии, который являлся последним перед закрытием обители большевиками духовником Казанского эсенского монастыря на Горушке.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ ПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО ВЛАДЫКИ СОФРОНИЯ,
ЕПИСКОПА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО И СЕЛЕНГИНСКОГО
(В МИРУ СЕРГЕЯ ПРОКОПЬЕВИЧА СТАРКОВА)²

*Подобает бо епископу без порока быти якоже Божию строителю: <...>
страннолюбиву, благолюбцу, целомудренну, праведну, преподобну,
воздержательну, держащемуся верою словесе по учению, да силен будет
и утешати во здравем учении и противящихся обличати.*

(Посл. к Титу, 1:9)

По промыслу и мудрому устройению Божию Русской Православной Церкви в лице как мирян, так и предстоящих престолу Господню пастырей не раз пришлось переживать тяжелые времена. Но, пожалуй, самым страшным периодом, поистине “горнилом огненным”, стали двадцатые годы прошлого века – не случайно многие историки находят сходство между гонениями первых времен Церкви и испытаниями, через которые прошли православные верующие сразу после прихода к власти богборцов в 1917 году. По слову Высокопреосвященнейшего Владыки Мефодия в бытность его в начале XX века архиепископом Харбинским и Маньчжурским, как в первом случае “власть, которая считала веру Христа вредным противогосударственным суеверием, напрягала все силы, чтобы истребить с лица земли самое имя христиан”³, так и во втором “напрягает точно так же все силы, чтобы искоренить религию, исторгнуть из души народных масс всякую веру и прежде всего веру Христа”⁴.

Именно на темную эпоху новых Диоклетианов и Максимианов, время, когда духовный сан означал отнюдь не почести, а тяжкий крест, пришлось годы пастырского служения Владыки Софрония, епископа Забайкальского и Селенгинского, в миру Сергея Старкова.

Сергей Прокопьевич Старков родился 22 сентября (5 октября по новому стилю) 1875 года в Забайкальской епархии Селенгинского уезда в селе Ильинском (Троицкий вал) в семье фельдшера и крестьянки. По его собственному свидетельству, семья Старковых не отличалась особым достатком, – “в младенчестве сноп чужой жатвы, на которой должны были работать мои родители, бывал часто моей колыбелью за летнее время”⁵, – что, впрочем, не помешало будущему Владыке научиться читать в четырехлетнем возрасте и полюбить книги.

По настоянию матери (малообразованной, но истинно верующей энергичной женщины, ставшей, кстати, первой учительницей грамоты для Сергея Прокопьевича) в 1884 году девятилетним мальчиком он прислуживал на клиросе родного сельского храма, а с 1885 года начинается его жизнь в Троицком Селенгинском монастыре и учеба в церковной школе, устроенной при обители архимандритом Иринархом. Известно, что монастырским послушанием десятилетнего Сергея стало чтение по Минеям житий угодников Божиих в трапезной.

Благодаря молитвенному участию и заботам архимандрита Иринарха, епископа Селенгинского и викария Забайкальской епархии Мелетия I, а также архиепископа Иркутского Вениамина для будущего Владыки, несмотря на отсутствие средств, стала возможной учеба в Нерчинском духовном училище, а затем и в Иркутской духовной семинарии, которую он закончил в 1896 году. Однокурсником и другом Сергея Старкова в эти годы становится Ефрем Кузнецов (впоследствии епископ Селенгинский, викарий Забайкальской епархии, расстрелянный 23 августа 1918 года)⁶.

Изначально Сергей Прокопьевич не мыслил свое пастырское служение в рядах черного духовенства, поэтому был благословлен на брак с Александрой Николаевной, дочерью диакона. Плодом этого супружеского союза стали семеро детей: Георгий, Анна, Александр, Елизавета, Елена, Евстолия и Александр; известно, что Владыка Ефрем (Кузнецов) являлся крестным отцом Елизаветы Сергеевны Старковой, в замужестве Музыченко. 1 августа (14 августа по новому стилю) 1896 года С.П. Старков был рукоположен Архиепископом Иркутским и Верхотенским Тихоном, а также Епископом Забайкальским Георгием в сан диакона, после чего начинается его служение в сельском храме в одном из уездных городов епархии.

Затем, по словам самого Сергея Прокопьевича, “по воле Божьей в уездном епархиальном городе при неизменном внимании, снисхождении и доверии Забайкальских архипастырей, церковных и общественных учреждений” он нашел “широкое поле для применения сил во всех отраслях епархиальной службы и в разнообразных видах церковно-общественной деятельности до участия в деяниях Всероссийского Церковного Собора включительно”⁷. С 1914 по

1918 год он занимал должность законоучителя в Читинской духовной семинарии, а с 20 мая 1920 года по апрель 1922 года являлся настоятелем Читинского кафедрального собора.

За годы своего пастырского служения в рядах белого духовенства протоиерей Сергей, будущий Владыка Софроний, Епископ Забайкальский и Селенгинский, получил следующие священнические награды:

- ✙ набедренник – 1898 год
- ✙ скуфья – 1902 год
- ✙ крест – 1909 год
- ✙ камилавка – 1912 год
- ✙ палица – 1918 год

В 1918 году Сергей Прокопьевич потерял спутницу жизни и воспринял это событие как “самый тяжелый удар Божьей грозы”⁸; через три года он принимает монашество. Пострижение в иночество с именем Софроний состоялось 19 марта (1 апреля по новому стилю) 1922 года за всеобщим бдением в храме Благовещения Божией Матери Пекинского подворья в городе Харбине. На следующий день Забайкальский епископ Мелетий в сослужении местного сонма духовенства рукоположил новопостриженного инока в сан архимандрита.

10 апреля (23 апреля по новому стилю) 1922 года по указу Священного Синода и Святейшего Патриарха Тихона архимандрит Софроний был возведен в сан епископа города Селенгинска и стал викарием Забайкальской епархии. Хиротонию, которая проходила в Свято-Николаевском соборе и впервые в Харбине, совершили: Мефодий, Архиепископ Оренбургский (в качестве предстоятеля); Михаил, епископ Владивостокский и Приморский; Мелетий, епископ Забайкальский и Нерчинский; Нестор, епископ Камчатский и Петропавловский.

1 марта 1924 года указом Святейшего Патриарха Тихона епископ Софроний был назначен в Архангельскую епархию, где служил вплоть до мая этого же года. 1 мая 1924 года подвергся заключению в Архангельскую тюрьму, где содержался до 14 сентября 1924 года. После решения суда с 26 сентября 1924 года отбывал трехлетнее заключение в Соловецком лагере, откуда был освобожден только 16 октября 1927 года. Есть документальные свидетельства тому, что союзником епископа Софония был недавно причисленный к лику святых архиепископ Иларион (Троицкий), более того, именно в “артели Троицкого” “на Филимоновской рыболовной тоне, в семи верстах от Соловецкого кремля и главного лагеря, на берегу залива Белого моря”⁹ и пришлось ему работать сетеводом и рыбаком рука об руку с ныне прославленным Владыкой.

Затем, по благословению Митрополита Ярославского Агафангела, епископ Софроний был назначен духовником и совершал богослужения в Казанском соборе при женской Богородично-Казанской общине в городе Данилове Ярославской епархии с декабря 1927 года. После закрытия Казанского монастыря в 1928 году он продолжал совершать богослужения в Воскресенском соборе и храме Смоленской иконы Божией Матери. Известно, что в Данилове Владыка проживал в доме № 46 по улице Петроградской (позже – III Интернационала, ныне – Петербургской), однако сразу по приезду в город ему был оказан приют в доме монахини Клавдии (Сироткиной) по адресу: улица Новотроицкая (ныне – Свободы), д. № 22. На время пребывания Владыки в городе Данилове его келейницей стала монахиня Казанской обители Ангелина. С 15 мая по 16 октября 1932 года Епископ Софроний находился в заключении в ИТУ (Даниловской тюрьме).

По благословению заместителя Патриаршего местоблюстителя Митрополита Горьковского Сергея 28 октября 1932 года Софроний назначен на кафедру епископа Арзамасского, викария Горьковской епархии. 3 ноября 1932 года было назначено вечернее Архиерейское богослужение, но Владыка почувствовал недомогание и принять участия в службе не смог. В ночь с 3 на 4 ноября 1932 года епископ Софроний скончался от сердечного приступа в городе Арзамасе. Кладбище, на котором он похоронен, до настоящего времени не сохранилось – в этом месте теперь проходит шоссейная дорога.

¹ При написании статьи были использованы монография Устенко С. Казанский монастырь. Данилов: Северянка, 1999, а также личные воспоминания жителей города и прилежащего к нему поселка Горушка.

² При изложении биографии автор опирался на приложение к журналу “Сеятель”: Наречение и хиротония протоиерея о. Сергия Старкова епископа Селенгинского. Харбин: Изд. ж. “Сеятель”, 1922, а также на личные воспоминания родственников ныне покойного Владыки.

³ Слово Архиепископа Мефодия при вручении жезла епископу Софронию // Наречение и хиротония протоиерея о. Сергия Старкова во епископа Селенгинского. Харбин, 1922. С. 7.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Речь при наречении в сан епископа Селенгинского // Там же. С. 3.

⁶ См.: Непознанный мир веры: Издание Сретенского монастыря. М., 2002. С. 165.

⁷ Речь при наречении в сан епископа Селенгинского // Наречение и хиротония протоиерея о. Сергия Старкова во епископа Селенгинского: Издание журнала “Сеятель”. Харбин, 1922. С. 4.

⁸ Речь при наречении в сан епископа Селенгинского. С. 5.

⁹ Непознанный мир веры. С. 115.